

Перейдя из милиции в банковский бизнес, Александр ТУРБАНОВ и не предполагал, что ему предстоит вершить судьбы бизнеса многих людей. Его цель - распространить действие системы страхования вкладов на все категории клиентов, включая компании и пайщиков. Хотя он сетует, что работы у его Агентства по страхованию вкладов (АСВ) и так невпроворот. Несмотря на внешнюю невозмутимость, Турбанов - человек радикальных взглядов. По его мнению, раз банк не годится для участия в системе страхования вкладов (ССВ), то у него лучше сразу отозвать лицензию. Турбанова можно понять: возглавляемое им АСВ сталкивается с самой неприглядной стороной банковского бизнеса. Почему государству не следует больше миндальничать с теми банками, которые не соответствуют критериям ССВ, и о том, каким он видит будущее АСВ, Турбанов рассказал в интервью «Ведомостям».

- Недавние события в банковском секторе в рекордно короткие сроки лишили фонд 10 млрд руб. Нет ли опасений за объем денег фонда ССВ?

- Мы это воспринимаем как естественное событие, обусловленное самой природой нашей деятельности. Для того и создан фонд страхования вкладов, чтобы деньги, которые в нем находятся, выплачивались вкладчикам. Хватит пальцев двух рук, чтобы пересчитать случаи отзыва лицензий - за два последних месяца 2010 г. произошло семь страховых случаев. Больше половины из них приходится на банки, за которыми стоит фигура одного «схемотехника», чье имя в последнее время не сходит со страниц газет. (Недавно ЦБ отозвал лицензии у банков, совладельцем которых назывался Матвей Урин. Выплаты вкладчикам одного лишь банка - «Монетного дома» - АСВ предварительно оценило в 5,3 млрд руб. - «Ведомости»)

- Раньше АСВ могло минимизировать выплаты вкладчикам, в том числе с помощью механизма санации, но поскольку сейчас государство спасать никого не хочет, то нагрузка на фонд ССВ возрастает.

- В острую фазу кризиса обойтись без санации не представлялось возможным. Была опасность его распространения на всю банковскую систему и экономику, возникало социальное напряжение. Если чрезвычайные обстоятельства отсутствуют, то ухудшение положения даже в крупном банке не должно приводить к тому, что государство его спасает за счет средств налогоплательщиков. Слабый банк должен уйти с рынка.

«Угрожали прислать автоматчиков»

- Правда, что вам как бывшему зампреду ЦБ по надзору принадлежит рекорд по отзыву лицензий - 300 отзывов за год?

- Когда я работал в Инкомбанке, один из контрагентов не вернул нам межбанковский кредит. Мы стали посылать письма в Центральный банк с просьбой разобраться - платежеспособен ли этот банк. Это был 1993 год, лицензию у него отозвали только в 95-м. Согласитесь, ситуацию трудно назвать нормальной. В 1996 г. я пришел на работу в ЦБ, где в должности зампреда курировал банковский надзор. Там, например, не было нормативного документа, регламентирующего порядок отзыва лицензий. Мы тут же взялись за его разработку, и вскоре он был принят. И к концу 1996 г. было отозвано 286 лицензий, а в следующем, кажется, 328.

- Как вы оказались в АРКО?

- Работать в АРКО меня направил [Виктор] Геращенко. Он возглавил Центробанк, стал формировать новую команду. Я подумал, что таким образом он хочет от меня избавиться. Пришел к нему и сказал, что если ему нужно, чтобы я написал заявление об уходе, то я это сделаю. На что он мне ответил: «Я хочу, чтобы ты занялся этой работой. Ты ведь курировал санацию в ЦБ». И я согласился.

- По сравнению с надзорной деятельностью это настоящий штрафбат. Вам наверняка не раз угрожали.

- Случалось. Но угрожали и прежде - в ЦБ. Например, в связи со скандальным банкротством Чара-банка. Это первый банк, в судьбе которого я поучаствовал, придя на работу в надзорный блок ЦБ в 1996 г. Тогда банк уже фактически рассыпался, среди его вкладчиков было много творческих людей - артистов, художников, которых банк «творчески» водил за нос. Фактически он представлял собой пирамиду наподобие MMM. Так вот, представители богемы ходили в ЦБ и другие инстанции и кричали: «Руки прочь от Чара-банка! Он нам заплатит!» А еще угрожали прислать автоматчиков в ЦБ. Вкладчики банка «Национальный кредит» предлагали [Сергея] Дубинина расстрелять, а меня отправить на Соловки.

- В общем, не так плохо, по сравнению с Дубининым...

- Да уж... Что касается АРКО, то там угрозы были более неприятные и более реальные. И к сожалению, также исходили от вкладчиков. В случае с СБС-агро они поняли, что [с владельца банка Александра Смоленского] им взыскать нечего, и свой «праведный» гнев обратили на АРКО. Однажды я получил письмо на домашний адрес, в котором содержались угрозы в адрес членов моей семьи с подробным описанием, где я обнаружу их части тела. Пришлось обратиться в милицию. Уголовное дело завели, но оно закончилось пшиком... Мы сами вычислили тех людей - их было двое - и провели профилактическую беседу.

- А сейчас поступают угрозы?

- Да. Но они трансформировались: мою семью уже никто не трогает, появились намеки, что мне недолго работать на моем месте, поскольку «у нас есть возможность обратиться туда-то и вас здесь не будет». Все это говорится очень вежливым тоном. Когда мы получили из бюджета 200 млрд руб., мы тут же получили вал «предложений» от людей, жаждущих порулить этими деньгами. Бывает, что пугают проверками правоохранительных органов, которые непременно почему-то должны выявить взяточничество в АСВ. Один из собственников банка-банкрота инициировал уголовное дело в отношении нашего сотрудника, и тот даже был задержан. Дело, естественно, рассыпалось, а его инициатор получил реальный срок. Кстати, арестовали его в здании московского арбитражного суда, куда он устроился работать секретарем, чтобы быть

ближе к событиям. Процедуры банкротства по всем своим банкам хотел держать под контролем (смеется).

«Мы четко понимаем, что есть криминал»

- Вы недавно озвучили идею о механизме упорядоченной ликвидации. Что в этом случае будет с кредиторами крупных банков?

- Кредиторы от этого только выигрывают. Механизм, который можно условно назвать «упорядоченной ликвидацией» или «частичной санацией», заложен в действующем законе о санации, и мы в кризис его трижды использовали - в условиях, когда частного инвестора для спасения некоторых проблемных банков не находилось, а АСВ не было готово становиться их единоличным собственником. При этом у этих банков были здоровые активы - их-то мы и передавали нормально функционирующему банку одновременно с передачей обязательств на такую же сумму. А после этого ЦБ отзывал лицензию у больного банка. При такой схеме вкладчики выигрывали однозначно, поскольку тут же возобновлялось их обслуживание в другом банке. А требования остальных кредиторов удовлетворялись уже в ходе конкурсного производства. Но в случае упорядоченной ликвидации выиграют и они, ведь здоровая часть активов передавалась по очень неплохой цене. Если бы у этих банков были сразу отозваны лицензии, то стоимость этих активов стремительно бы падала. Проводимые нами публичные торги это показывают - целый ряд активов вообще не удастся реализовать. Поэтому в случае отзыва лицензии у больного банка кредиторы второй и третьей очереди получили бы меньше.

- Как часто доходит дело до кредиторов третьей очереди?

- Все зависит не просто от качества активов, но и вообще от их наличия. Мы условно делим банкротства на две группы: криминальные и рыночные. Криминальные - это те, в которых топ-менеджеры и собственники занимались выводом активов и способствовали доведению банка до банкротства. Мы активно боремся за возвращение выведенных активов. Но выиграть дело в суде - это только полдела. Надо еще и взыскать деньги по исполнительному листу. А зачастую бывает так, что обращать взыскание не на что. Из 11 проектов, которые мы завершили в 2010 г., шесть приходится на криминальные банкротства. Доля удовлетворенных требований кредиторов в этих случаях иногда менее 1%. Но в четырех из 11 случаев - 100% для всех очередей, включая третью.

- Менеджеры рухнувших банков нередко избегают наказания. Почему?

- Как правило, из-за недостатка документации не всегда удастся виновных привлечь к ответственности. Мы четко понимаем, что есть криминал, но без документов это доказать сложно. Для суда наши аргументы не всегда бывают убедительны. Это вынудило нас инициировать внесение поправок в законодательство, чтобы менеджмент нес ответственность за утрату документации. После вступления их в силу банковские менеджеры поостерегутся совершать неправомерные сделки, поскольку это можно будет отследить по документам. Привлекать к ответственности можно будет и членов совета директоров, если окажется, что их действия или бездействие нанесли ущерб банку. Недавно в Совете Федерации один из банкиров критиковал новую стратегию развития банковского сектора. Он прямо сказал, что она построена на презумпции «каждый банкир - жулик». Я считаю, что это не так. Стратегия не базируется на таком допущении, но то, что среди банкиров жулики встречаются, - это факт.

- Пропорция 50 на 50?

- Честных все-таки больше.

«Собственники опасаются за свою судьбу»

- Банкиры часто критикуют регулятора за обилие ненужной работы, которую он им доставляет. Многие считают, что банки слишком зарегулированы.

- Может быть. Но только если иметь в виду не законодательное регулирование, а подзаконное, осуществляемое Центробанком. Впрочем, в те годы все было по-другому. Да и сейчас есть белые пятна. Но вы правы относительно того, что есть и отдельные моменты, где требуется некоторое послабление.

- А где именно оно требуется? У банкиров много нареканий на обилие бумажной работы.

- У нас слишком много показателей финансовой отчетности - некоторые из них излишни. От некоторых форм отчетности есть основания отказаться, а какие-то следует облегчить - многие показатели не востребованы вовсе. Иметь «цифирки» на все случаи жизни, вдруг кто-то наверху попросит, - неоправданно дорогое удовольствие. У нас до сих пор действует устаревшая норма - вновь создаваемый банк не может первые два года работы привлекать вклады. Новый банк не может быть плохим по определению, и эту норму давно пора изменить. Я не понимаю, почему она еще действует.

**- Насколько целесообразны изменения в надзоре, предпринимаемые ЦБ?
Регулятор последовательно ужесточал надзорные требования по раскрытию информации, в том числе о владельцах...**

- В этой части требования ЦБ правильные. У банков большое количество клиентов, и каждый из них хочет представлять, с кем он вступает в финансовые взаимоотношения. Доверие клиентов - непреложное условие ведения банковской деятельности. А о каком доверии можно говорить, если толком и не понятно, кто выступает вашим контрагентом.

- Что нужно сделать, чтобы банки раскрывали истинных владельцев?

- Много. В том числе изменить экономический и правовой климат в стране. Поймите, усилий, пускай даже самых активных, только со стороны ЦБ недостаточно. Это зависит от общего состояния правопорядка в нашем отечестве, от наличия гарантий обеспечения прав и интересов любого гражданина, в том числе и владельца банка. Некоторые из собственников, полагаю, опасаются за свою судьбу и судьбу своей семьи, потому и боятся засветиться в этом качестве. У этой проблемы много политических аспектов, а я бы не хотел скатываться к их обсуждению.

- Это странно, ведь ваша работа состоит в том, чтобы работать в том числе и с собственниками банков-банкротов, да и в общем-то работа очень политизированная.

- Вынужден с вами не согласиться, уже в который раз. Как гласил один популярный рекламный слоган, «мы вне политики и вне конкуренции». Применительно к нам верно и

то и другое. На каждом из направлений нашей работы - будь то ликвидация банков, их санация или страхование вкладов - мы руководствуемся нашей миссией. Она состоит в защите прав вкладчиков и иных клиентов банков. Где здесь политика?

- Я имею в виду другое - в 2008 г., например, когда все опасались бегства вкладчиков, депутаты, у кого есть банковский бизнес, пролоббировали увеличение суммы страхового покрытия.

- Объективно мы уже были близки к очередному повышению суммы страховки. Кризис это лишь чуть-чуть ускорил. В наших расчетах, представленных депутатам, никакой политики не было. А вот члены Госдумы, Совета Федерации и президент действительно имели политические мотивы. И главный из них - сохранение социальной стабильности.

«Оно нам нужно, это социальное напряжение?»

- Насколько жизнеспособна идея о безотзывных вкладах?

- Я боюсь, что сторонники этой идеи ошибаются. Эти банкиры либо по наивности полагают, либо лукавят - дескать, вкладчик не побежит в банк, потому что у него не будет права на досрочное изъятие своих денег. Они не знают психологию людей, и вкладчиков в частности. «Безотзывный» вкладчик обязательно побежит вместе со всеми, и я опасаясь, что он будет вести себя даже агрессивнее, чем остальные. «Мы будем платить больше - есть мировой опыт», - говорят поборники идеи. Но они и здесь недоговаривают. Уж если вы ссылаетесь на мировой опыт, то посмотрите, какая там существует разница между обычными срочными вкладами и теми, по которым невозможно досрочное расторжение, - в разы. У нас разница в лучшем случае будет на пару процентных пунктов. Резюмируем: предлагаемая идея в лучшем случае бессмысленная, в худшем - вредная.

- ЦБ и банкиры сетуют, что из-за снижения прибыльности многие не соответствуют критериям участника ССВ. Придется ли кого-то выгонять из системы? Как быть клиентам в такой ситуации?

- Кризис - исключительное явление, тотальный форс-мажор, так сказать, и введение моратория на исключение из системы страхования вкладов являлось вполне оправданной мерой. Но, продлив мораторий до середины 2011 г., государство перестраховалось. Возможно, я ошибаюсь, но мне представляется, что если бы заранее, в середине 2010 г., было сказано, что мораторий продлеваться не будет, то жизнеспособные банки в этом случае к 1 января 2011 г. соответствовали бы всем показателям.

- Вы считаете, банки это расхолаживает?

- Если задача не сформулирована, ее и не пытаются выполнять. Если государство и в следующем полугодии будет себя так вести, мы опять будем иметь несколько десятков таких банков, и к середине этого года. Требования к банкам - участникам ССВ формировались таким образом, чтобы они были жестче, чем к остальным. Но я считаю, что требования к устойчивости и надежности должны быть одинаковыми для всех. Тот факт, что банк перестает соответствовать требованиям, предъявляемым к участникам системы страхования, означает, что у него очень серьезные проблемы! Ну так надо лицензию отзывать. Иначе получается, что слабый банк катится дальше по наклонной вниз. У всех на глазах из этого банка растаскиваются активы, в итоге мы как ликвидатор получаем пустышку. Как вариант - этот банк продадут и новый собственник начнет заниматься обналом. Пользуются такими банками в течение трех-четырех месяцев, пока у него не отзовут лицензию, а потом покупают следующий такой же, катящийся под уклон.

- То есть или соблюдаете требования ССВ, или отзываем лицензию?

- Конечно! Чаще всего мы видим, что не в критериях дело, просто банк - не жилец. Меня, конечно, упрекнули и скажут: почему же сразу отзывать? Нет, не сразу. Ведь у ЦБ есть неплохой инструментарий - он может ограничить риски, запретить прием вкладов на год. При этом банк остается участником ССВ и мы не пугаем вкладчиков... Вы вот сами как расцениваете последствия исключения банка из ССВ? По обязательствам такого банка мы перед вкладчиками отвечаем или нет?

- По тем вкладам, что открыты в пору его участия в ССВ, - да.

- Вы - человек, разбирающийся в этой материи, - и то задумались, прежде чем дать ответ. А население это может воспринять однозначно - лишили страховки! Оно нам нужно, это социальное напряжение? Очередь туда выстроится, как бы мы вкладчикам ни объясняли ситуацию. Им будет казаться, что их, извините, снова дурят. Словом, мы ничего не потеряем, если механизм исключения из ССВ перестанет существовать.

«Такие случаи были и с церковными приходами»

- Как должна развиваться ССВ?

- Одно из основных направлений - последовательное повышение суммы страхового возмещения в соответствии с меняющимися экономическими реалиями. Если посмотреть на опыт США, то там сумма страхового покрытия по вкладам когда-то составляла \$2500, затем дошла до \$80 000-100 000. В начале кризиса временно установили потолок на уровне \$250 000, а теперь уже и не временно. У нас пока не страхуются вклады индивидуальных предпринимателей под предлогом того, что это люди экономические грамотные и должны самостоятельно нести все риски. Инициатива депутата Павла Медведева, который предложил - давайте их тоже пустим под зонтик ССВ, к моему глубочайшему удивлению, не прошла. А я убежден, помимо этого стоит распространить гарантии ССВ на средства общественных организаций и некоммерческих объединений. Становится не по себе, когда к нам обращается союз ветеранов с просьбой вернуть их средства - у них 200 000 руб. было на счете. А мы их помещаем в третью очередь кредиторов. И если мы имеем дело с криминальным банкротством, то ветераны ничего не получают. Отказывая в их просьбе, чувствуешь себя орудием несправедливости! Такие случаи были и с церковными приходами. Также правильно было бы страховать и средства малого бизнеса, который мы все хотим развивать. Самое смешное, что нагрузка на фонд страхования при включении в ССВ средств предприятий малого бизнеса возрастет всего на 3-4%. А ведь такие предприятия держат средства в одном банке и в случае его банкротства теряют всё - они просто заложники банка. При этом во многих странах защита распространяется на всех клиентов без исключения.

- Мы не настолько богаты. Неужели вы считаете, что это реально?

- Страны Восточной Европы, не так давно вступившие в Евросоюз, вынуждены были соответствовать его требованиям. Это вопрос того, какие задачи мы перед собой ставим. «Будьте реалистами - требуйте невозможного» - помните эту фразу Че Гевары?

Мне возразят, что «Газпрому», «Роснефти» и РЖД наши 700 000 руб. не нужны. Да и банкротами они никогда не станут. Но здесь принципиальный момент - все клиенты банка будут равны между собой. Граждане добровольно принимают решения, размещать средства в банке или нет, а для юрлиц установлена такая обязанность. И даже надзор осуществляется за соблюдением кассовой дисциплины - не дай бог будешь держать в кассе больше положенного! Логично, если вклады юрлиц тоже будут защищены. Надо распространять гарантии ССВ и на страховые компании, НПФ, ПИФы. Если мы хотим привлекать туда средства населения, надо обеспечить гарантии. И не обязательно делать это на базе АСВ - а то тут некоторые говорят, что подобные инициативы объясняются нашей боязнью остаться без работы. Чуть: этой самой работы у нас и так неprovорот.

Биография

Родился в 1950 г. в Челябинске. В 1971 г. окончил Свердловский юридический институт. В 1981 г. - Академию МВД СССР

*1991 - начал банковскую деятельность, возглавив правовое управление Инкомбанка
1993 - депутат Госдумы первого созыва, член комитета по бюджету, налогам, банкам и финансам
1996 - назначен заместителем председателя правления Банка России по банковскому надзору
1999 - возглавил госкорпорацию «Агентство по реструктуризации кредитных организаций»
2004 - занял пост генерального директора Агентства по страхованию вкладов*

Судьба Турбанова: из милиционеров в банкиры

«В начале 90-х рухнул СССР, а я работал [тогда] в центральном аппарате Министерства внутренних дел СССР. Оно подлежало ликвидации. И передо мной встал выбор: остаться в российском МВД или сменить род деятельности. Мне был 41 год. Я прикинул, что если вдруг я через 10 лет решу сменить профессию, то вряд ли в этом возрасте кому-то пригожусь. Если менять, так уж в расцвете сил. Я поразмыслил, каким образом могу перепрофилироваться. И оказался начальником юридического управления Инкомбанка.

«Затем грянули другие драматические события - октября 93-го - с последующим принятием новой Конституции и формированием первой Госдумы. Многие банкиры, в том числе президент Инкомбанка Владимир Виноградов, прекрасно понимали, что банковское законодательство еще очень неразвито: было принято всего два рамочных закона. Там были прописаны вопросы регистрации и лицензирования и открытия филиалов - все, остального там попросту не было. Виноградов как-то спросил меня, не хочу ли я пойти в депутаты и поработать над этим. Если честно, мне не хотелось уходить из банка, потому что понравилась эта работа. Разговор состоялся вечером, а ответ я должен был дать утром. Я сказал, что, пожалуй, можно попробовать. Потом были переговоры с председателем Партии российского единства и согласия Сергеем Шахраем, и ему я как специалист показался интересным и по федеральному списку прошел в депутаты. Я не стремился стать политиком - это мне было неинтересно, а вот кажущаяся многим рутинной законотворческая деятельность меня увлекала».

Отбор в систему страхования вкладов

«Когда в 2004 г. был отбор в систему страхования вкладов, в нее не попали 20% банков. Кто-то говорил, что это слишком много, а кто-то - слишком мало: дескать, надо оставить 200 банков. Профессионал, по-моему, помимо рассудочного, чисто рационального понимания должен все чувствовать кожей. Так вот мои ощущения: 20% - «самое оно».

Беседовала Татьяна ВОРОНОВА